

Дун Сянь медленно лёг на постель. Тот удар мечом он принял на себя вовсе не ради Ван Мана — он защищал женщину, которая была для него дороже всех на свете. Своим долгом перед Ван Маном он считал лишь то, что тот долгое время заботился о его названной матери.

— На чём ты вырос? — этот неожиданный вопрос застал его врасплох.

Увидев растерянность на лице Лю Синя, Дун Сянь невольно усмехнулся:

— В детстве я почти не пробовал материнского молока. Моя мать умерла рано, жили мы в такой бедности, что в доме не было ни горсти риса, не говоря уже о кормилице. А у названной матери не было своих детей, и молока, конечно, тоже. Когда я плакал от голода, она носила меня на спине по горам и долам, укачивала, чтобы я забылся сном и перестал просить есть.

Глаза Лю Синя подернулись дымкой. Он сел на край кровати и взял Дун Сяня за подрагивающую руку.

— Когда она сама обессиливала от голода, то ела снег. А если я не унимался, она растапливала снег во рту и поила меня этой водой, — тихо произнёс Дун Сянь. — Можно сказать, я вырос на снегу.

— Неудивительно, что ты вырос таким чистым и прозрачным, как нефрит.

В словах восхищения сквозила печаль. Лю Синь осторожно провёл ладонью по щеке Дун Сяня. Тот улыбнулся, но в глазах его заблестели слёзы:

— Позже названная мать встретила леопарда. Вместо того чтобы бежать, она, к её собственному удивлению, не испугалась. Она ведь не знала боевых искусств, и я до сих пор не понимаю, как ей удалось добыть леопаржье молоко и принести его мне.

Лю Синь вздохнул:

— Материнское сердце едино во всех существах. Быть может, даже леопард почувствовал её милосердие.

— Она рассказала мне об этом спустя много лет, когда мы коротали вечера за разговорами. Чтобы защитить меня, она была укушена ядовитой змеей. Яд бамбуковой гадюки неизлечим, его можно лишь замедлить, но я не мог позволить ей умирать на моих глазах.

Его пальцы внезапно сжали ладонь Дун Сяня. Лю Синь, пристально глядя на него, произнёс:

— И ради того, чтобы отсрочить предрешённый финал, ты решил продать своё тело и душу?

Тон его стал пугающе холодным, и Дун Сянь на мгновение замер, не зная, что ответить. Не глядя в эти полные боли глаза, Лю Синь продолжил:

— Если бы твоя названная мать узнала, что её жизнь выкуплена такой ценой, она бы ни дня не задержалась на этом свете.

Дун Сянь широко открыл глаза:

— Она не узнает! Я не позволю ей узнать!

— Ты думаешь, что любишь и почитаешь её, но не понимаешь: как только правда откроется, ты сам станешь её настоящим убийцей. О какой сыновней почтительности и любви тогда может идти речь?

В глазах Дун Сяня задрожали слёзы, и впервые они покатались по щекам, не скрывая его истинных чувств. Отчаяние, смятение, слова Лю Синя...

— Не плачь, я не желал причинить тебе боли, надеюсь, ты понимаешь, — тёплые губы коснулись его лица, нежно стирая слёзы и следы страданий. Лю Синь прошептал: — Если её не станет, ты пойдёшь за мной или за Ван Маном?

Сердце Дун Сяня уже давно сделало свой выбор, и его губы ответили на поцелуй. Словно услышав ответ в самой глубине его души, Лю Синь отстранился:

— В этом мире всё меняется в одно мгновение. Ты не боишься делать выводы слишком рано?

Сердце Дун Сяня пронзило дурное предчувствие. Он недоуменно посмотрел на Лю Синя. Тот лишь слабо улыбнулся и снова поцеловал его:

— Шутка, не бери в голову. Рана от меча неглубокая, но пренебрегать ею нельзя. Отдыхай, я пойду распоряджусь насчёт ужина.

Дун Сянь провожал взглядом стройную фигуру Лю Синя и не мог перестать думать о его словах. Мгновенные перемены? Никто не знал, что его сердце, кажущееся таким крепким, на самом деле невероятно хрупко. Как оно может выдержать превратностей судьбы?

Кое-как проглотив немного рисовой каши, Дун Сянь выглянул в окно: солнце стояло высоко, должно быть, уже перевалило за полдень. Чжи Вэй принесла аптечку и принялась бережно перевязывать рану. Порез на левом плече был неглубоким, но длинным.

Руки Чжи Вэй дрожали, и Дун Сянь попытался её успокоить:

— Не бойся, ничего страшного.

От его слов ей стало ещё горше:

— Разве это пустяк? Почему принц даже не позвал лекаря? Обычная повязка не спасёт от шрама.

— Я не девица, зачем мне идеальное тело?

Он всегда улыбался, даже когда был уязвлён. Сердце Чжи Вэй дрогнуло, щёки вспыхнули. Она поспешно отвернулась и тут же столкнулась с вошедшим Лю Синем. Вспомнив его странные слова, сказанные ей в прошлый раз, она в испуге поклонилась и выбежала из комнаты.

Дун Сянь лениво прислонился к изголовью:

— Зачем ты оставил шрам от меча на моём теле? Не позвал лекаря, чтобы рана оставила след?

Лю Синь подошёл и сел рядом:

— Чтобы ты не забывал обо мне. — Он взял правую руку Дун Сяня и провёл пальцем по другому шраму. — Это оставил Ван Ман. Мой удар был не таким яростным, как его, но глубже. Когда заживёт, шрам будет длиннее того, что на запястье.

Чем длиннее шрам, тем глубже память? Что за странная логика? Дун Сянь горько усмехнулся.

— Ты знаешь, что Чжи Вэй равнодушна к тебе? — спросил Лю Синь.

Дун Сянь замер. Он не хотел обсуждать чужие чувства:

— Какая девушка не мечтает о любви? В этом возрасте это естественно.

Лицо Лю Синя стало серьёзным:

— Чжи Вэй выросла со мной. Если ты возьмёшь её под своё крыло, она станет самой счастливой женщиной в мире.

— Что ты хочешь этим сказать? — Дун Сянь почувствовал подвох.

— Ван Ман приехал не только ради меня. Если я не ошибаюсь, он уже дал тебе поручение. — Лю Синь вздохнул. — Я знаю, что ты не волен в своих поступках, но надеюсь, что позже ты возьмёшь Чжи Вэй к себе. Она действительно достойная девушка.

Дун Сянь знал, что Лю Синь всегда всё просчитывает, но не ожидал, что он зайдёт так далеко. Сдерживая бурю внутри, он спросил:

— Ты давно относишься ко мне с опаской, почему теперь говоришь такое?

Лю Синь ответил с досадой:

— Ты посмеёшься надо мной, но я признаю: я попался на уловку Ван Мана с красавцем и не смог устоять, выбрав тебя. И дело не во внешности — твоя судьба заставляет меня проиграть Ван Ману добровольно.

Сердце Дун Сяня согрелось, его пальцы переплелись с пальцами Лю Синя. Он не произнёс ни слова, но решение созрело внутри.

Лю Синь смотрел, как человек в его объятиях мирно спит, словно ангел со сломанными крыльями, и на его губах появилась улыбка. Но в отличие от прежних, эта улыбка была полна сложности, словно он смаковал плоды успеха.

Вскоре Дун Сянь заснул глубоким сном. Лю Синь осторожно отстранил его и медленно встал с постели. Выходя из комнаты, он увидел на галерее опавшие бамбуковые листья. Подняв один, он переломил его двумя пальцами. Длинный лист казался острым, но был на деле крайне хрупким.

— Если ученик превзойдёт учителя, добро это или зло... — в глубине его глаз промелькнуло зловещее выражение. Лю Синь махнул рукой, и обрывки листа унесло ветром.

В сезон Холодных рос по улицам Чанъаня уже гулял холод, но на реке Вэйхэ, омывающей город, сегодня было необычайно оживлённо.

Яркая луна сияла в небе, но не менее ярким был разукрашенный драконий корабль, стоявший посреди реки. Вечерний пир проходил тайно, не тревожа покой горожан. С берега казалось, что это знатный род празднует торжество.

Дун Сянь сопровождал Лю Синя. Сегодня он был особенно тщательно одет — шёлковые одежды, серебряный венец. Неудивительно, что на корабле его сразу окружили служанки. Дун Сянь, привыкший к такому вниманию, обнял одну из девушек и в шутливом тоне вошёл в каюту.

Он понимал: эти наряженные красавицы вовсе не из дворца. Это были жертвы, привезённые из народа; как только ночь пройдёт, их убьют.

Лю Синь шёл следом. Увидев, как Дун Сянь усаживается в окружении служанок, он не нахмурился, а спросил слугу:

— Почему прислуживают только господину Дуну? У вдовствующей императрицы такие правила приёма?

Стоило ему закончить, как его окружили ароматы духов. Ван Чжэнцзюнь ещё не пришла, и слуги подали вино, чтобы гости могли выпить.

Лю Синь поднял бокал:

— Выпью за учителя, в знак благодарности за эти дни.

— Вы слишком добры, принц, это мой долг, — ответил Дун Сянь и выпил.

Вскоре пришла Ван Чжэнцзюнь. Рядом с ней суетился Лю Юйнь, предвкушая подарок в виде Дун Сяня.

Ван Чжэнцзюнь велела увести Лю Юйня в каюту, а сама осталась, чтобы разобраться с гостями. Ей донесли о смерти наложницы Бай Жун, и она винила во всём Лю Ао, который предпочёл спасти Чжао Фэйянь, а не наследника. Ван Ман тоже перегнул палку. Но она всё равно благоволила ему больше, чем Лю Синю, чьи способности пугали её.

— Всего лишь мужская игрушка, а строит из себя чистоту! — прошипела она и вошла в каюту.

Пир шёл своим чередом. Дун Сянь, улучив момент, поднялся и предложил:

— Раз уж вечер такой ясный, почему бы не полюбоваться луной с палубы?

На палубе воздух был пропитан запахом крови — Дун Сянь знал, что стража уже заменена людьми Ван Мана. Ван Чжэнцзюнь согласилась, рассчитывая разделаться с ними здесь.

На палубе Дун Сянь облокотился на мачту. Лунный свет отражался в его глазах. Лю Синь смотрел на него с нескрываемым восхищением.

— Почему ты не защитил меня от тех девиц? — спросил Дун Сянь.

— Игра есть игра, зачем мне обращать на это внимание? — ответил Лю Синь.

— А когда звал Лю Юйнь, ты меня придержал.

— Потому что это уже не было игрой. Я не хочу, чтобы ты притворялся, — сказал Лю Синь, глядя на реку. — Скоро я преподнесу императрице подарок.

Когда Ван Чжэнцзюнь подошла, Лю Синь вынул свиток с картиной. На ней была изображена красавица, но в зеркале отражалась обычная женщина. Это был тонкий намёк на прошлое Ван Чжэнцзюнь, от которого у той затряслись руки.

— Прекрасная работа, — процедила она сквозь зубы. — Подать гостям императорское вино!

Дун Сянь и Лю Синь выпили. Вскоре их охватило головокружение, и они упали, имитируя смерть.

Слуги Ван Чжэнцзюнь уволокли их в каюту, чтобы позже сбросить в реку. Когда дверь закрылась, один из людей Дун Сяня поднёс ему противоядие. Дун Сянь открыл глаза и поднялся.

— Корабль готов? — спросил он.

— Да, рыболовецкое судно ждёт неподалёку.

Дун Сянь помог подняться всё ещё «бездыханному» Лю Синю и вывел его на палубу. Они перебрались на лодку.

— Старик, позаботься о моём брате, — сказал Дун Сянь, передавая кормчему золото. — Отвези его на юг. Если он не захочет оставаться, скажи, что дела в Чанъане улажу я. Он упрям снаружи, но мягок внутри.

Оставшись в каюте наедине с Лю Сином, Дун Сянь снял с его головы княжеский венец и провёл рукой по его лицу.

— Отныне ты больше не наследник Хань. Забудь обо мне, беги как можно дальше! Живи жизнью простого человека, о которой мечтал. Я пришлю к тебе Чжи Вэй.

<http://bllate.org/book/21155/2144389>